

в Германии в отношении их независимости. В частности, достаточно подробно анализирует радио зарубежного вещания *Deutsche Welle*, которое финансируется из бюджета государства, т.е. существует на деньги налогоплательщиков. Конечно, речь идет о радиостанции «Эхо Москвы» и публикациях в интернете, который «не контролируется» [8].

Нельзя не заметить, что в последнее время все больше публикаций появляется о российской сетевой журналистике, и тон их становится тревожным. На сайте одного из самых солидных немецких еженедельников *Die Zeit* появилась публикация, в которой звучит тревога в связи с тем, что «в собственной стране Путин опасается власти интернета. Все чаще секретные службы и представители юстиции выступают против свободомыслия в Сети. <...> Если кто-то упорствует, то ему грозит потеря лицензии. Потому что в России господствует китайская модель государственного лицензионного обязательства для каждой службы, которая стремится получить доступ в интернет. Независимость провайдеров может быть под контролем, и они могут подвергаться давлению» [9].

Литература

1. Зарубежная печать: Краткий справочник. Газеты. Журналы. Информационные агентства. М., 1986.
2. Sommerbauer J. Der nicht mehr ganz so Kalte Krieg zwischen Moskau und Tiflis // Die Presse. 2013. 5. Aug.
3. Kuffner A. Medienköpfe und Karrieren. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.journalist.at/archiv/2011-2/ausgabe-08092011/medienkoepfe-und-karrieren>.
4. Ballin A. Russland steckt im Konjunkturtal // Der Standard. 2013. 5. Aug.
5. André Ballin: The propaganda against Russia. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://hghltd.yandex.net>.
6. Fiedler H. Österreicher sieht Musik in der „Neuen Zürcher“ // Der Standard. 2013. 2. Aug.
7. Ballin A. Gasprom-Media: Der nimmersatte Gigant. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.spiegel.de/wirtschaft/gasprom-media-der-nimmersatte-gigant-a-426454.html>.
8. Lejeune M. MEDIENgedanken: Kritik aus Deutschland an Russlands Medien. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ag-friedensforschung.de/regionen/Russland/medien3.html>.
9. Voswinkel J. Kampf der Freiheit. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.zeit.de/online/2007/11/russland-internet>.

УДК 070.1; 316.772.4

В.А. Сидоров

Санкт-Петербургский государственный университет

ПУБЛИЧНЫЙ ДИСКУРС И МЕДИАСФЕРА: УСЛОВИЯ И СУБЪЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Статья посвящена институциональной структуре информационного (медийного) взаимодействия в социуме и медиасфере как пространству институтов и личностей. Автор рассматривает разные слои социального дискурса: от обсуждения в СМИ текущих проблем до глубинных, историко-культурного и гносеологического слоёв, связанных с познанием смыслов жизни, добра, красоты.

Ключевые слова: медиасфера, публичный дискурс, социум, информационное воздействие

Sidorov Victor A.

PUBLIC DISCOURSE AND THE MEDIA SPHERE: The conditions and subjects of functioning

The article is devoted to the institutional structure of the information (media) interaction in society and the media sphere as a space of institutions and individuals. The author examines the different layers of the social discourse of the mass media in the discussion of current problems to the deep, historical, cultural and epistemological layers related to the knowledge of the meaning of life, goodness, and beauty.

Keywords: mediasphere, public discourse, society, information impact.

Медийное взаимодействие: абстракции и реальность

Коммуникация – не столько вещь, сколько (пред)вестие, ее сущность постоянно ускользает, поскольку коммуникация – это всегда и то, чего нет... это процесс, внутри которого постоянно возникают значения, зависящие от данного процесса и одновременно влияющие на него [1. С. 56]. Как зависят от процесса и одновременно оказывают на него непосредственное влияние участники коммуникации, вступающие в информационное взаимодействие?

Информационное взаимодействие внутри социума может быть представлено в виде двухуровневых коммуникаций – межличностных и межгрупповых. Межличностная коммуникация – это первичное и до сих пор решающее звено информационного взаимодействия в обществе. Понимание коммуникации межгруппового уровня гораздо сложнее. Поэтому отметим еще одно возможное подразделение коммуникаций на интимные и публичные, которое частично совпадает с предыдущим делением, но ему не тождественно:

совпадения межличностного и интимного, межгруппового и публичного не абсолютны. В конкретных случаях межличностное общение способно приобрести публичный характер, а межгрупповое – быть скрытым от социума.

Социальное информационное взаимодействие, как и межгрупповой медиаконтакт, – не более чем условные, обобщающие конструкции. Это абстракции, которых нет в природе. Потому что информационное взаимодействие в обществе всегда структурировано и личностно выражено, всегда протекает по установленным в социуме каналам коммуникации, а также организовано по проблематике и смыслу. Это значит, что в обществе объективно устанавливаются и поддерживаются определенные дискурсы, перманентно наполняемые актуальным содержанием вступающими в них акторами.

Определенность в понимании медийного взаимодействия в обществе начинает выявляться только через раскрытие / разрушение уже сложившихся в нашем сознании и сковывающих его абстракций.

Например, если говорим об информационном взаимодействии власти и общества, то в своем представлении непременно упрощаем действительность: вообразим некую персонифицированную власть плюс нечто неопределенное, с какими-то лицами, голосами, движениями – в общем, почти художественные образы. В реальности власть и общество свое информационное взаимодействие осуществляют через институты, которые в каждый момент изучения по-своему конкретизируются. Но оказывается, что и эти понятия всего лишь абстракции. На самом деле происходит межличностный медиа-контакт между представителями института власти и институтов общества. По тематически близкому нам вопросу о межкультурном взаимодействии было сказано, что реально взаимодействуют не культуры, а люди – носители культурных традиций, но при этом из поля нашего зрения выпадут как попытки теоретического осмысления культуры одного народа представителями другого, так и официальная политика по межкультурному обмену, необязательно совпадающая с бытовой практикой межкультурных контактов [2. С. 27].

С учетом сказанного отметим, что информационное взаимодействие в социуме в принципе институционально структурировано и носит личностно выраженный характер. Все это основано на факте невозможности легитимации власти без коммуникации – текста и речи. Власть предполагает знание, убеждения и идеологии, которые поддерживали и воспроизводили бы ее. Дискурс структурно выражает и транслирует эти ключевые условия воспроизводства на всех социальных уровнях, во всех аспектах и контекстах [3. С. 87].

Еще одной абстракцией можно назвать заблуждение о всегда актуальном и потому новом содержании медийного взаимодействия социальных институтов. Заблуждение, во-первых, основано на уверенности, что нет актуальности без новизны. Во-вторых, как ни

парадоксально, это заблуждение не совсем заблуждение, потому что, согласимся, без разницы в информационных потенциалах акторов, стоящих по разные концы «провода», коммуникации не будет, социальный дискурс не активизируется, медийное взаимодействие, еще не начавшись, уже теряет свое значение. Тогда что же происходит в медийном взаимодействии на самом деле?

В действительности социальные дискурсы воспроизводят главным образом некогда заданные образцы и алгоритмы обсуждаемой проблематики, но очень скупко включают в себя новейшую проблематику. Поддерживается определенный дискурс, в котором значительное место занимают однажды внесенные в него смыслы, плавно эволюционирующие во времени. Для политической власти это внутриэкономические, геополитические, социокультурные проблемы государства. Такие смыслы, или факторы, на протяжении эпох инвариантны и объективно задают определенные политические подходы к их решению. Редкий политик способен выйти за пределы заданных самой историей алгоритмов. Поэтому как о само собой разумеющемся рассуждает политолог, когда выдвигаемый им в газетном комментарии тезис об отсутствии у России пространства для маневра во внешней политике подкрепляет общим положением о том, что «любая ответственная и разумная власть в нашей стране будет проводить ровно ту же внешнюю политику, какую проводит власть нынешняя» [4]. Именно поэтому между обществами «дискурсы и способы воспроизводства власти (в глазах общества. – В.С.) отличаются в зависимости от культуры, равно как социальные структуры и социальное познание, вовлеченное в процессы воспроизводства» [3. С. 35]. Но внутри отдельно взятой социокультурной реальности дискурс слабо вариативен.

Всеобщность доступа к межсоциальному информационному обмену – еще одна абстракция, с которой следует распрощаться.

Во-первых, как мы установили, медийное взаимодействие между социальными группами имеет личностное выражение. Это означает, что вносимый в медиасферу текст создает индивид, который должен знать, как это делать. Он обладает нужными способностями, знаниями, пониманием рассматриваемой им социально значимой проблемы, иными словами, предрасположен выразить свое представление о ней вербально или иконографически.

Во-вторых, любой канал медийного взаимодействия функционирует в конкретной социально-политической системе, в которой есть доминирующие социальные группы, значит им принадлежит реальная власть. Как известно, природа любой власти заключена в способности управлять гражданами и обществом в целом. Управление не осуществляется без контроля – основной функции власти. Собственно говоря, контроль и есть управление. Отсюда следует и потенциально свойственное власти намерение контролировать канал своего взаимодействия с обществом, в кото-

ром она в принципе доминирует, и доступ к нему. Прав Т. ван Дейк, когда говорит, что мы должны детально изучить способы регулирования властными группами доступа к дискурсу, ибо он управляет сознанием. Исследователь наделяет властные группы активным доступом к дискурсу, а потребителей, то есть общество в целом, – «пассивным». Все это является типичным для наиболее влиятельных форм публичного дискурса, в частности медиа-дискурса [3. С. 28]. Это и есть реальность институционального взаимодействия в медиасфере. Изучение его результатов ведет к пониманию собственно медиасферы, образующейся в результате такого институционального взаимодействия.

Медиасфера как пространство институтов и личностей

Для решения задачи выделим некоторые типические черты, свойственные медиасфере общества. Прежде всего подчеркнем ее дискурсивное начало, несущее в себе определенную упорядоченность вступления в медиадискурс представителей институтов социума и закономерность перманентного возбуждения поддерживаемых дискурсом социальных смыслов. Попробуем представить себе медиасферу как совокупность содержания социально значимых дискурсов и форму их организации. Тогда получается, что содержание выступает в двух своих значениях, в равной степени нам приемлемых, – как интегральная сумма составляющих медиасферу смыслов и как система взаимосвязанных смыслов, понимаемых в качестве структурных элементов.

Совершая следующий шаг, можно прийти к трактовке медиасферы как результата возникающей между институтами общества коммуникации. Результат означает здесь информацию, которая заключает в себе возникающее понимание социально значимых фактов, событий, явлений, отношений между людьми. Информационный результат освоения действительности, неся в себе определенную новизну, тем не менее повторяет – буквально или модифицируя – прежде достигнутые результаты и, в свою очередь, образуя еще один стандарт, еще один алгоритм освоения духовного мира человеком.

В этом плане медиасфера напоминает прочно и заботливо обустроенный и обжитой поколениями семьи дом: по воле каждого укрепляются стены, меняются интерьеры, обновляются коммуникации. Однако окружающая среда и архитектура дома, расположение его помещений предопределяют глубину допустимых новаций – будущее диалектически надежно увязано с прошлым. В данном случае семья олицетворяет ядро неизменяемого типа культуры, определяющего содержание медиасферы. В связи с чем припомним, что при смене общественно-экономических формаций, при радикальном изменении социальной структуры, резкой перестройке политической власти, смене идеологии тип культуры сохраняется, если сохраняется его ядро. На всех общественных переменных можно найти

отпечаток воздействия этого устойчивого ядра культуры [5. С. 10–11]. Поэтому ядро («парадигма») культуры не относится к надстройке общества; оно представляет собой некую устойчивую бытийственную форму сознания, относящуюся к сфере социальной онтологии.

Медиасфера еще не имеет научного объяснения и воспринимается метафорически. Но уже сложились некоторые представления о ее составляющих. Это массовые коммуникации, журналистика, искусство, церковь, политические институты – все, что собирает аудиторию, обращается к ней, вторгается в общественное сознание и само в нем функционирует. Это медиа-реальность, которая образуется в процессе коммуникации, а коммуникативная реальность – особое измерение реальности социума [6. С. 157]. Так что в социально-философском представлении теория медиасферы, видимо, явится синтезом теорий культуры, политики, журналистики и массовых коммуникаций, для становления которых многое сделали французские философы XX века, соизмерив их с порядком и субстанцией общества. Это не коммуникации в чистом виде. Скорее всего, пишет исследователь, речь о Социальном порядке, структурированном в коммуникационной перспективе [7. С. 149]. Журналистика вбирает в себя взаимосвязанные слои всеобщей рефлексии общественного сознания по поводу общественного бытия. Если посмотреть на процесс в динамике, то следует отметить, что текущее общественное сознание рефлексиирует и по поводу себя же самого, но уже состоявшегося.

Первый, видимый, слой дискурса – обсуждение текущих социальных проблем, потенциально способное к переводу на второй, более глубокий, содержательный слой поддерживаемого журналистикой дискурса – историко-культурный. Что объяснимо длящейся во времени причинностью возникновения новейших социальных проблем в качестве продолжения однажды вынесенных на обсуждение. Наконец, третий, и самый глубокий, слой отражаемого журналистикой дискурса – гносеологический – о познании личности, общества, государства, смыслов жизни, добра, красоты. Любой из этих дискурсов принципиально разомкнут в медиасфере, которая не только обширней, но и на порядок древней журналистики. Истоки медиасферы в тех незапамятных временах, когда люди только начали обсуждать устройство мира, когда в сознании человека зародились первые паттерны объяснения бытия.

Медиасфера понимается нами как идеальное пространство, объективно присущее духовной жизни общества, в которой соприкасаются социально значимые смыслы (установления, мифы, идеи). Это результат публичного взаимодействия институтов общества. Новые смыслы создаются и вливаются в некогда зародившиеся дискурсы. Нельзя установить даже символической даты их начала: чем дальше вглубь веков от Гуттенберга, тем условней представление о публичности дискурса. Достоверно главное – там, где кончается публичность, где нет дискурса, уже нет медиасферы, потому что только медиасфера образует поле инфор-

мационного взаимодействия социальных систем, их институтов и индивидов и тем самым обеспечивает публичность такого взаимодействия. То, что мы называем публичностью, во все времена само по себе являлось фактором, стимулирующим достижение равноправия участников дискурса, но – что особенно важно – никогда не достигающим желательного состояния. Иллюзия свободы и разнообразия может быть одним из способов производства идеологической гегемонии [3. С. 30]. Добрые намерения (участников коммуникации) и отсутствие демонстративного насилия, – пишет, рассматривая широкий контекст функционирования массовых коммуникаций, Ю. Хабермас, – хорошие вспомогательные средства, но их недостаточно. Если не сложилась структура коммуникативной ситуации, свободной от искажений и латентного присутствия власти, результаты коммуникативного процесса всегда вызывают подозрение... Поскольку коммуникация всегда несет в себе двойственность, она есть выражение скрытого насилия [8].

Шаги в направлении интерпретации медиасферы должны быть осторожными, потому как «эпистемологически мы попадаем в ситуацию постоянного обознания: пытаемся говорить о коммуникации, но постоянно говорим о чем-то другом – о политике, культуре и т.д., то есть аналитически мы замещаем собственно логику коммуникации логикой политики, культуры» [9. С. 579]. Избежать «обознания» можно, если воспринимать коммуникации в логике взаимодействия сторон с разным идейным потенциалом. Минимум разности потенциалов подразумевает дискуссию, оппонирование; максимум – открытое противоборство, когда стороны уже не воспринимают обращенные к ним смыслы. Не нарушишь «социальный порядок», будет тебе и «парламентская» тональность дискуссий. Начнись, по Ф. Достоевскому, «социальное нестроение», тональность полемики поменяется, вместо аргументов – обличения.

В подтверждение тезиса проанализируем только один эпизод современного идеологического противостояния в массмедиа, обратимся к развернувшейся полемике между «Литературной газетой» и сетевым ресурсом «Кольта». А. Голубкова, один из активных авторов этого ресурса, выступила на сайте с критическим анализом ряда публикаций в «Литературной газете» [10, 11]; газета, перепечатав критику в свой адрес, тут же разместила опровергающую ее статью М. Макарова [12].

Контент-анализ статей подтвердил: тональности статей – «сетевой» и газетной – не совпадают. Статья «Кольты», хоть и замечена в некорректности по части интерпретации исторических фактов, все же в своей манере респектабельна, без интонационных диссонансов, тогда как тон комментария к ней со стороны «ЛГ» обличительный. Если Голубкова применяет иронию («забавный конгломерат», «достойные продолжатели...»), иногда сарказм («благонамеренные сигналы»), изредка позволяя себе более резкие выражения («хотнорядцы с пудовыми кулаками», «задача цепной собаки»), но только по отношению к реалиям прошлого, то

ее оппонент не считает себя обязанным пользоваться исключительно парламентскими выражениями. Его идейные противники – «рвут на себе тельняшки», у них «нервический припадок», своих оппонентов они «огульно именуют». Макаров в публичном дискурсе пытается выставить своего оппонента в неприглядном свете: она «голубушка Голубкова» с ничтожным культурным горизонтом, имеет «кривобокое образование», научность ее диссертации сомнительна, подгоняет факты под концепцию, способна на ложь («единожды соврамши»), ей ненавистна консервативная позиция, она шарахается от слова «русский» и т.д.

В анализируемых статьях явно прослеживается «слоистость» дискурса: что Голубкова, что Макаров от текущих идеологических проблем тут же переходят на историко-культурный слой дискурса (спор о судьбах либерализма и консерватизма в России) и даже затрагивают гносеологические аспекты своих разногласий.

Примеры из периодики характеризуют состояние современной медийной среды, но не дают ответа на общие вопросы теории. Поэтому при анализе медиасферы желательно абстрагироваться от журналистики и СМИ – актуальное содержание публикаций потенциально может оказаться препятствием к объективному анализу. Отстранение от медийных реалий современности (где, хочешь – не хочешь, а СМИ все равно первенствуют) позволит рассмотреть механизм медиасферы обобщенно, не сводя примеры его действия к частным проявлениям, которые в силу своей близости к исследователю способны заслонить целое.

Итак, мы представляем себе медиасферу в качестве некоего поля информационного взаимодействия социальных систем, их институтов и индивидов. Чтобы построение не оказалось громоздким, уберем вопросы межсистемного взаимодействия (скажем, между государствами), а также частные информационные взаимодействия индивидов.

Условием результативности анализа взаимодействия в медиасфере должен стать учет намерений, объективно присущих вступающим в дискурс сторонам:

- обмениваться информацией (идейными установками, ценностными суждениями, представлениями о путях общественного развития и пр.);
- одержать верх в информационном противостоянии (идеологически разоружить оппонента);
- найти компромисс;
- с помощью идейной полемики добиться своего преобладания на информационном поле.

Целевые установки сторон (институтов) взаимодействия в медиасфере подразумевают и выбор соответствующих тактик продвижения этих целевых установок на информационном поле, выбор средств, форм, методов достижения намеченного. И все же это исключительно плоскостной уровень характеристики функционирования медиасферы. Более глубокое – объемное – рассмотрение вопроса начинается с момента, как только поставим перед собой задачу учитывать всех субъектов медиасферы, или хотя бы основных.

Информационное взаимодействие тех или иных институтов общества обычно случается не с целью повлиять на идейно-политические и нравственные позиции друг друга (конечно, есть и такое), а с целью оказать идейное воздействие на иные социальные институты, которые в этот момент якобы не вступают в разворачивающийся на их глазах дискурс, с целью повлиять в конечном счете на общество в целом. Выбор конкретных каналов коммуникации, методов и форм внесения в медиасферу идейно-политических и нравственных ценностей определяется установками коммуникатора. Которые, в свою очередь, детерминированы культурой общества в целом, а также принятыми в нем культурными кодами трансляции ценностно-эмоциональных и ценностно-рациональных смыслов коммуникации и удержанием ее результатов в медийной сфере как устойчивого алгоритма исторически длящегося дискурса.

Литература

1. Ключанов И.Э. Коммуникативный универсум. М., 2010.
2. Панфилова Т.В. Межкультурное взаимодействие: тенденции и перспективы // Мировая политика: взгляд из будущего: Мат-лы V Конвента РАМИ. М., 2009.
3. Дейк ван Т. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М., 2013.
4. Межуев Б. Может ли Россия вернуть Европу? // Известия. 2013. 13 авг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/555372>.
5. Кантор К.М. История против прогресса. М., 1992.
6. Назарчук А.В. Идея коммуникации и новые философские понятия XX века // Вопросы философии. 2011. № 5.
7. Назарчук А.В. Осмысление коммуникации в современной французской философии // Вопросы философии. 2008. № 8.
8. Хабермас Ю. Против «воинствующего атеизма». «Постсекулярное» общество – что это такое? // Исламский портал. Оперативно о вечном [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.islam-portal.ru/mnenia/100/1411>.
9. Крастынь С.Р. Теоретическая экспозиция понятия «онтологические основания коммуникации» // Миссия интеллектуала в современном обществе. СПб., 2008.
10. Голубкова А. Литературные охотничьи [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.colta.ru/docs/17612>.
11. Голубкова А. Литературные охотничьи // Лит. газ. 2013. № 14.
12. Макаров М. Декольте Кольты // Лит. газ. 2013. № 14.